

Глава первая

Разве покойникам не положено, испив отвара Мэнпо, отправиться на колесо перерождений или уснуть вечным сном?

«Почему разум чист, а веки не разомкнуть? Отчего тело скрючено в тесный комок, не шевельнуться, а вокруг — лишь глухой, невнятный шум?»

Вдруг навалилась неимоверная тяжесть, сдавив со всех сторон. Повинуясь неодолимой силе, Хунши устремился вперёд, навстречу вспыхнувшему свету, и тут же ощутил, что его подхватили чьи-то руки.

Возмущённый такой бесцеремонностью, он попытался крикнуть:

— Дерзость!

Но вместо грозного окрика из горла вырвался лишь жалкий младенческий писк.

Пока он пребывал в оцепенении, над головой загремел зычный, торжествующий голос немолодой женщины:

— Поздравляю Ваше Величество! У вас родился сынок, маленький принц!

Изнурённая родами красавица, лежавшая на постели, слабо улыбнулась. Она посмотрела на дитя, давшееся ей такой дорогой ценой, с глубокой нежностью, хотя её взгляд был подёрнут лёгкой дымкой затаённой печали. Нахмурившись, она взволнованно спросила:

— Почему он молчит? Что с моим мальчиком?

Нянька, державшая на руках тринадцатого принца императора Цяньлуна, перепугалась до смерти — ведь только что ребёнок кричал!

Хлёсткий шлепок опустился на крошечное тельце, мгновенно вернув Хунши к суровой реальности.

Хунши наконец осознал, что произошло: он переродился, минуя чашу забвения Мэнпо! Надо же, судьба вновь со смехом швырнула его в золотую клетку императорского рода. Действительно, у них взаимная, неразрывная связь.

«Интересно, какая сейчас эпоха, чьё правление?..»

Припоминая только что услышанное, он догадался, что на дворе по-прежнему Великая династия Цин. От этой мысли на душе немного отлегло. Хунши машинально дрыгнул крохотной ножкой и засунул большой палец в рот. Однако тут же снова нахмурился, охваченный горьким беспокойством.

«Как теперь жить, помня всё, что случилось в прошлой жизни?»

В прошлой жизни недоброжелатели без умолку попрекали его примесью ханьской крови, твердя, что ему далеко до чистопородного любимчика, которым так восхищался отец. Кто бы мог подумать, что в этом воплощении он родится законным сыном императрицы! Впрочем... много ли законных наследников испокон веков наследовали трон предков? Этот статус — лишь обуза. Драгоценная яшма в руках бедняка: сокровище, которое неизбежно навлечёт погибель.

Почувствовав очередной шлепок няньки, Хунши уступил требованиям неокрепшего младенческого тела и зашелся в безутешном крике. Он плакал от яростной обиды за прошлое и от глухой тревоги за будущее.

Слёзы — удел слабых. Они лишь показывают глубину душевных ран, но не способны унять даже малую долю боли. И всё же порой это единственное средство, которое остаётся человеку, когда он лишился всего и совершенно бессилен перед лицом судьбы.

Его завернули в тёплые пелёнки и вынесли из родильной палаты. Мужчина, который, судя по всему, приходился ему отцом в этой жизни, окинул младенца беглым, равнодушным взглядом, сухо нарёк именем и сразу же ушёл.

Хунши мысленно выругался, проклиная немощь новорождённого: зрение было мутным, и он смог различить лишь тёмный силуэт, заслонивший на миг блёклый свет.

Слушая, как слуги хором провожают императора, маленький принц мысленно усмехнулся.

«Что ж, похоже, здешняя императрица совсем не в чести у своего венценосного супруга».

Затем младенца взяла на руки вдовствующая императрица. Она снисходительно похвалила внука, обронила пару дежурных утешений для роженицы и тоже покинула покои, отправившись отдыхать.

Хунши долго пребывал в крайнем изумлении от того, как дворцовая челядь величала эту женщину, и из-за этого недоумения даже пропустил мимо ушей странное, пугающе знакомое звучание её голоса.

Матушка Ли бережно приняла драгоценный свёрток. Склонившись над ребёнком, она сделала вид, будто поправляет шёлковое одеяльце, а когда подняла голову, на её лице уже не осталось и следа прежней обиды за несправедливое отношение к госпоже. Аккуратно баюкая дитя, она

унесла его во внутренние покои.

Там матушка Жун бережно переняла у неё младенца и уложила рядом с императрицей Нала.

Измученная тяжёлыми родами императрица Нала лежала на боку, из последних сил борясь с навалившимся сном. Она просто не могла позволить себе уснуть, пока как следует не рассмотрит своего новорождённого сына.

Едва завидев ярко-жёлтый шёлк младенческих пеленок, Нала слабо встрепенулась. Опираясь на руку матушки Ли, она слегка приподнялась. Её пальцы с бесконечной нежностью коснулись крохотной щёчки. Младенец был невероятно мил: он почти полностью унаследовал от неё черты лица и бездонно-чёрные, точно капли туши, глазки.

Императрица ласково улыбнулась, но мгновение чистого счастья быстро сменилось привычной горечью.

«Мне никогда не победить в этой борьбе. Даже такое чудесное дитя не способно вернуть внимание государя».

Выслушав робкий доклад матушки Ли об имени, которое высочайше соизволил даровать новорождённому император, Нала тихо прошептала:

— Юнцзин... Мой маленький Юнцзин. Твоя матушка сделает всё, чтобы защитить тебя.

Убедившись, что с сыном всё в порядке, императрица со спокойной душой закрыла глаза и забылась глубоким сном. Это не на шутку напугало её преданную няню, которая тут же поспешила привести ожидавшего за дверями императорского лекаря.

Лишь когда старый лекарь несколько раз поклялся собственной головой, что Её Величество просто истощена родами и её жизни ничего не угрожает, а затем осмотрел Хунши и подтвердил, что новорождённый крепок и полностью здоров, обитатели Дворца Икунь наконец вздохнули с облегчением.

Когда суматоха улеглась, Хунши перенесли в детскую палату, которую императрица Нала так заботливо обустроила для своего ненаглядного чада.

Лёжа в колыбели и слушая, как шаги слуг затихают в отдалении, Хунши наконец открыл глаза. Он тупо уставился в расписной потолок, содрогаясь от душевного смятения.

«Небеса поистине безжалостны. Зачем меня снова вернули в Запретный город? Неужели страданий прошлой жизни не хватило, чтобы искупить все грехи, совершённые в погоне за безумным тщеславием?»

Ему снова суждено томиться в месте, которое когда-то до основания разрушило всё его счастье. Но почему судьба лишила его спасительного забвения? К чему эта память о былом кошмаре?

«Это кара? Наказание за мою глупую, предсмертную надежду? Или же... я сам никак не мог отпустить это место и до последнего цеплялся за него?»

Но теперь, когда колесо времён совершило свой оборот, всё вокруг изменилось. Прежних людей больше нет. За что теперь бороться, на что надеяться? Хунши чувствовал лишь глухую потерянность.

Поддавшись неодолимой младенческой усталости, он закрыл глаза. Сон медленно утягивал его в небытие. В этот миг Хунши отчаянно желал лишь одного — никогда больше не просыпаться.

Сколько длилось это забытие, он не знал. Сквозь полусон Хунши почуял лёгкое прикосновение к своему лицу. Маленькая детская ладошка осторожно погладила его по щеке. Раздался тихий, совсем ещё детский голосок, в котором, однако, сквозила недетская, вековая усталость:

— Так это ты — мой младший брат?.. Обещаю, я защищу тебя от любых бед. Если только...

Голос оборвался, словно говоривший внезапно наткнулся на призрак какого-то мрачного воспоминания.

Хунши с усилием открыл глаза. Пусть перед глазами всё плыло, он сумел разглядеть прехорошенького, точно выточенного из драгоценного нефрита мальчугана, склонившегося над колыбелью.

В его детском взгляде сквозила неизбывная тоска, совершенно не подобающая столь нежному возрасту. Собственный опыт заставил Хунши насторожиться. Он изо всех сил заморгал, стараясь лучше разглядеть незваного гостя.

«Держится свысока, величает себя истинным хозяином положения... Наш, из рода Айсиньгёро, без сомнения. А эта вселенская грусть... должно быть, ещё один неудачник, сгоревший в беспощадном пламени борьбы за трон».

Ему вдруг отчаянно захотелось прогнать эту тень печали с лица ребёнка. Преодолевая слабость, Хунши неуклюже потянулся ручонкой и ухватил мальчишку за палец. Тот вздрогнул, выныривая из своих мыслей, а Хунши искренне, без всякого тайного умысла улыбнулся ему.

Глядя на эту чистую младенческую улыбку, двенадцатый принц императора Цяньлуна — а в прошлой жизни не кто иной, как низложенный наследник престола Инъжэн, — сам не заметил, как улыбнулся в ответ.

«Быть может, в этой жизни я не останусь один на один со своей судьбой? И мне больше не придётся пережить то леденящее душу предательство, что выжгло меня дотла в прошлом».

Схватки у императрицы Нала начались вчера глубокой ночью, в час Быка. Поскольку Иньжэн уже переехал в Обитель принцев, матушка строго-настрого запретила будить его. Из-за этого известие о родах дошло до него с опозданием.

Узнав о заботе матери, Иньжэн поджал губы, но так и не сумел сдержать невольной улыбки.

«Какое же это счастье — знать, что о тебе думает матушка».

Ему нестерпимо хотелось тотчас же броситься во Дворец Икунь, но, натянув халат лишь наполовину, он услышал, что туда уже прибыли Хунли и вдовствующая императрица Нюхуру. Принц мгновенно передумал. Ему претила сама мысль находиться в одном покое с ребячливым, взбалмошным Хунли и вздорной, вечно сующей нос не в свои дела старухой Нюхуру. К тому же Хунли пока не помышлял о лишении Нала её высокого статуса, а значит, раз уж эти двое там, жизни императрицы ничто не угрожало. Впрочем, когда дело касалось Хунли, Иньжэн всегда был готов предполагать худшее.

Отправив верного лекаря дежурить у дверей Дворца Икунь, Иньжэн накинул на плечи меховое манто и присел на постели, прикрыв глаза в ожидании вестей. Только в час Тигра, когда прибежал слуга с радостным известием о том, что императрица благополучно разрешилась законным сыном, а мать и дитя в безопасности, принц наконец позволил себе расслабиться и уснуть.

Едва рассвело, он поспешил в покои матери. Узнав, что Нала всё ещё спит, Иньжэн не стал торопиться в детскую, а сперва дотошно расспросил лекаря о её состоянии. Тот заверил, что здоровье государыни вне опасности, нужен лишь покой и должный уход. Пребывая в редком благодушии, бывший наследник престола снисходительно одарил медика парой милостивых слов, даже не заметив, какое глубокое, благоговейное потрясение вызвали эти величавые речи у стоявшего перед ним лекаря.

Уладив дела, Иньжэн направился к колыбели своего новорождённого брата — единственной родной по крови душе в этом мире.

Окидывая взглядом слуг, застывших в угодливом почтении, Иньжэн остался доволен порядком в покоях. Небрежным взмахом руки велел всем молчать и не утруждать себя поклонами, он бесшумно проскользнул в детскую.

Склонившись над резной колыбелью, он пригляделся к крохотному, мягкому существу.

«Славный малый. Белокожий, упитанный, дышит ровно. Значит, дела во Дворце Икунь идут на лад, да и здоровье матушки крепло не зря — мои труды принесли плоды».

В прошлой жизни Иньжэн лишился матери в самый день своего рождения. Теперь же у него была любящая матушка и единокровный брат. Правда, когда-то у него была и сестра... При воспоминании о Пятой принцессе сердце Иньжэна болезненно сжалось. Два года он нянчил эту девочку, балуя её точно собственную дочь, но из-за его минутной слабости и апатии она приняла на себя предназначенный ему удар и безвременно угасла. Собственная оплошность едва не стоила жизни и ему самому — он слёг в жестокой лихорадке, балансируя на грани смерти, и выжил лишь благодаря отчаянному плачу матери, звавшей его обратно из ледяного мрака...

Иньжэн протянул руку и осторожно коснулся пальцем пухлой щёчки младенца.

«Именно тогда, очнувшись от смертного недуга, я решил во что бы то ни стало тайно собирать верных людей и строить собственную силу».

Раз уж судьба даровала ему второй шанс, он расшибётся в лепёшку, но сбережёт тех, кто ему дорог.

«И всё же... как трудно снова учиться доверять людям».

Принц горько усмехнулся и тихо вздохнул.

Попытавшись вытравить из памяти яд прошлых предательств, Иньжэн продолжал легонько водить пальцем по лицу сладко спавшего брата. Перед глазами его вихрем проносились призраки ушедшей эпохи, утягивая в пучину былых сожалений. Из забвения его вывело неожиданное ощущение: крохотная ладошка мёртвой хваткой вцепилась в его указательный палец. Новорождённые ещё не умеют соразмерять силы, так что хватка оказалась на удивление крепкой, до лёгкой боли.

Иньжэн опустил взгляд и встретился глазами с малышом. Младенец смотрел на него на редкость осмысленно. Он посмотрел на него с мягкой, щемящей жалостью, а затем личико крохи озарилось искренней, обезоруживающей улыбкой.

«Надо же, я ему нравлюсь...»

Иньжэн почувствовал, как к щекам приливает тепло. Младенец продолжал заливаться беззвучным счастливым смехом, и величавый наследник престола в конце концов не выдержал собственной неловкости, напустив на себя притворный гнев.

Ни за что на свете не желая признавать, что смущён, грозный принц принялся свободной рукой легонько тыкать брата в пухлую щеку, шутливо ворча под нос:

— Только попробуй послушаться меня... Мигом по попе получишь!

Впрочем, вырывать палец из крохотного кулачка он так и не стал.

«На этот раз всё точно будет иначе. Мы ведь с тобой одной крови, самые близкие люди на свете».

От этих забавных, по-детски ревнивых угроз Хунши заулыбался ещё шире. Почувствовав подспудное тепло и нежность в ворчании старшего брата, он с победным видом ухватил и второй его палец.

«Да, теперь всё будет по-другому. Я больше не один. Мы пройдем этот путь вместе».

В безмолвии покоев соприкоснулись две израненные души. Подобное всегда тянется к подобному. Сплетённые пальцы скрепили негласный союз, безмолвную клятву: защищать друг друга до последнего вздоха и во что бы то ни стало выгрызть себе право на жизнь в этой проклятой, захлёбывающейся кровью императорской обители.

<http://bllate.org/book/18338/1766201>